

Часть первая

СЮРПРИЗ НА НОЧЬ ГЛЯДЯ

Выйдя из супермаркета, Илья поставил пакеты у ног, застегнул куртку и накинул капюшон. Вечер выдался тихим, и снег падал тихо, мягко, словно в этом мире, кроме неспешно фланирующих хлопьев, вся жизнь на планете угасла.

Илье все эти заморочки «ах, снежок, ах, природа» до тусклых лампочек, которыми обвиты голые ветви деревьев, напоминающие, что сегодня финальный аккорд в череде праздников — Старый Новый год. Вдруг вспомнил, что выпустил из виду один момент и хотел было достать телефон...

— Эй, чего стал на дороге? — послышался сзади раздраженный мужской голос, подтверждающий, что живых на брэнной земле немерено, некоторые экземпляры не отличаются вежливостью. — В сторону нельзя было отойти?

Не оглянувшись, подхватив пакеты, Илья быстро зашагал к многоэтажкам, которые словно выросли из темноты, расцвеченные мелкими огнями окон. Густонаселенный район пуст, видимо, народ уже торчит за накрытыми столами или готовится к застолью, у народа мания: праздновать по всякому глупому поводу.

Илья праздники и связанную с ними суету не любил, как правило, они нарушали его планы, хотя о них

каждый знает заранее, можно же планировать дела, учитывая неудобства. По правде говоря, ему больше нравилось думать, будто праздники мешают, это своего рода снобизм, эдакое отличие от масс. Возможно, его отношение сформировал тот факт, что он в этом огромном городе пришлый, у жителей мегаполисов присутствует некое пренебрежение к чужакам, будто они приехали занять место конкретно каждого из аборигенов. Приятели, само собой, из местных имеются, но у них куча привязанностей с обязанностями, поэтому не всегда удастся собраться вместе непосредственно в праздник, разве что на следующий день, а это совсем не то, это нечто в духе секонд-хенда.

— Нескончаемые застолья — бездарная трата времени и здоровья, — небрежно проговорил он вслух, будто с ним рядом еще кто-то шел.

Выйдя на пустую аллею сквера, уходящую вдаль, Илья улыбнулся, потому что в одиночестве есть преимущество избранных — независимость. Мысль о преимуществе и вызвала улыбку удовлетворения. Но резкая боль в разбитой губе заставила его сморщиться, он поставил пакеты на скамейку, сгреб со спинки снег и приложил к губе. Холод — неплохая анестезия, Илья снова вспомнил, что не сделал звонок, и набрал номер. Услышав сопение в трубке, сказал:

— Это я, приветик... — Ему ответила тишина, Илья не смутился, бодренько продолжил: — Звоню, чтобы предупредить: сегодняшняя встреча отменяется, не приходи. Я позвоню, когда...

Короткие гудки прервали его, Илья не огорчился, потому что... Собственно, какая разница? Все причины, хороши они или плохи, не помешают ему ощущать себя удачливым героем современности, у которого все получается good. Посмотрев на часы, он спрятал телефон

в карман куртки и, подхватив пакеты, поторопился домой по пустой аллее, несмотря на вагон времени в запасе до приезда мамочки-мамулечки. В квартире на шестом этаже Илья жил один, повернув ключ в замке, он открыл первую дверь. С верхнего этажа кто-то спускался, разговаривая по телефону в резких тонах:

— Ну и сиди дома, твои закидоны у меня в печенке застряли! И во всех органах застряли!.. Да, это конец, goodbye my love. Не плачь, все проходит, пройдет и это... Потому что ты дура. Из всех дур ты совершенство...

Илья чуть не расхохотался в голос. О, как он согласен с парнем — девки все дуры. Вторым ключом он открыл внутреннюю дверь, рукой с одним из пакетов нажал на дверную ручку и толкнул плечом...

В ту же минуту получил сильнейший удар в спину. И буквально полетел в прихожую, реально оторвавшись от пола. Упал. По инерции проехался по лакированному паркету до входа в комнату, врезался макушкой в стену.

Внезапность и молниеносность полностью выбивают из понимания происходящего, а боль гарантирует потерю в пространстве. По этим причинам Илья не смог быстро подняться на ноги: не отдавал себе отчета, что происходит. Только механически собирал свое тело, подтягивая колени, затем, став на четвереньки, восстанавливал пространственную ориентацию. Едва ему удалось вдохнуть полной грудью (до этого спазм сдавил) и подумать: а что, собственно, случилось...

Кто-то цапнул его за куртку и грубым рывком поставил на ноги, развернул... Илья едва успел разлепить отяжелевшие веки и разглядеть, кто на него напал, как получил удар в челюсть и полетел в комнату спиной, размахивая руками, будто это поможет удержаться на ногах. Одновременно громко хлопнула входная дверь...

— Девчонки, вы что так долго?

На пороге кухни стоял Феликс, загородив собой проем и упираясь ладонями о боковушки дверной коробки, брови нахмурены, грозный, а голос жалостливый:

— Вас тут целых три штуки, а мы сидим оголодавшие... смотрите.

Он втянул щеки, губы свернул трубочкой и продемонстрировал с обеих сторон свой профиль, показывая, насколько оголодал, Настя с Алиной залиvisto рассмеялись. А Тамара, выкладывая на блюдо очередной кулинарный шедевр, посмеиваясь, попеняла ему:

— Такой большой, такой красивый, а брюзжишь, как старая обезьяна.

Феликс наклонился к столу, рассматривая и шумно принохиваясь к яствам на блюде, заодно парировал:

— Какой же я красивый? Одна змея особой ядовитости в нашем ведомстве уверяет, будто я похож на коршуна. Из-за моего горбатого носа.

— Поверь мне, она несправедлива, у тебя аристократический нос и мужественное лицо, ты высокий, спортивный, — утешила его лестью Тамара и следом отчитала: — Хотя по утрам не бегаешь и не желаешь заниматься спортом!

— Тамара, вы не правы, — вставила жена Настя насмешливо. — Феликс с закрытыми глазами, в уме занимается спортом, говорит, так тоже можно.

Алина затряслась от беззвучного смеха, Тамара сдержалась, невозмутимо продолжив:

— Мм, как интересно. Феликс, ты, пожалуйста, не выдавай свой секрет, а то мои балеринки последуют твоему примеру, будут делать экзерсисы мысленно, а я лишусь работы.

— Клянусь мамой и единственной сестрой, я могла, — выпрямился он с довольной физиономией, закинул

в рот оливку и, жуя, улыбался. — Тamarочка, я слушаю, что там у тебя еще в запасе про меня хорошего?

— А, конечно! — покручивая в воздухе ложкой, улыбнулась она в ответ. — И так, у тебя светлые волосы, убийственные серые глаза, да ты принц!

— Принц? Фу-у-у! — скривился Феликс.

— Понимаю, мое сравнение некорректно, принцы сладкие и женоподобные, а ты у нас брутал. Ну, с обликом разобрались, дальше... ты умен, остроумен, герой — это без иронии. Да и вообще классный мужик. Не веришь? Мне?

— Верю, потому что знакомая змея — негодяйка, а ты... а ты наша Тamarочка, а я... я падох на лесть. Жена, почему сидишь в сторонке, как бедная родственница? Когда праздновать начнем?

— Меня отстранили, — оправдалась Настя.

— Еще бы! — хмыкнула Тамара. — Мы с Алиной пожалели ее, она и так столько наготовила на седьмом-то месяце!

— Уже восьмой пошел, — уточнила Настя.

— Тем более. — Тамара взяла блюдо и ткнула им в грудь Феликса. — Неси. Мы тоже придем сейчас, осталось хлеб нарезать и морс разлить по кувшинам. Иди же!

Всего пять минут — и возгласы одобрения раздались в комнате, когда вошли Настя, Тамара и Алина. Все живо заняли свои места, Феликс налил в рюмки водку, женщинам шампанского, кроме Насти, она подняла бокал с морсом.

— Паша, — обратился к Терехову Феликс, — ты, как верховный главком в нашем маленьком коллективе, обязан сказать первый тост.

Потомственный интеллигент Терехов в правоохранительной системе скорее исключение, чем правило, в городе работает недавно, хотя мир осчастливил своим

рождением здесь. Посмотришь на него — не впечатляет следователь тридцати одного года: белобрысый, с оттопыренными ушами, скромный, а интеллигент нынче почти ругательство. Но Павел не инфантил, он человек воли — каждый день в любую погоду бегать по утрам без воли не обойтись, однако и упрям, и настойчив, в редких случаях бывает резок, но потом корит себя.

— Да, Павел Игоревич, вам слово, — поддержала мужа Настя.

Ничего не поделаешь, пришлось Терехову встать и, держа рюмку в руке, начать поздравление, к которому он не готовился:

— Вообще-то я не мастак тосты произносить...

— Да ладно, не скромничай, — перебил Феликс, ухмыльнувшись. — И компактной, компактной, а то кушать хочется.

— А ты не перебивай, — мягко осадил его Павел. — Я продолжу? (Феликс утвердительно кивнул.) Спасибо. Так уж сложилось, что Новый год встречают с самыми близкими, а Старый с друзьями. Я бесконечно счастлив, что мне повезло встретить в этом городе не только замечательных помощников в работе, но и друзей в их же лице. Мне повезло, потому что чем старше становится человек, тем меньше у него шансов обрести опору в друзьях. В данную минуту мы провожаем Старый год, пока желать ничего не буду, у нас впереди полтора часа, успеем. Давайте просто скажем спасибо прошедшему году? Он был интересным.

Тост поддержали, дружно чокнулись и выпили, мужчины набросились на еду, нахваливая Настю. Самый молодой Женя Сорин (ему двадцать четыре), внешне мальчишка, однако не глуп, вежлив, с характером меланхолика, что, в сущности, некритично, позволил себе заметить:

— А что было интересного в прошедшем году? Два крупных дела со странными обстоятельствами, остальное — бытовуха с мордобитием и поножовщиной. Скуновато и банально.

— Ну и зануда ты, Сорняк, — бросил ему Феликс миролюбиво. — Между прочим, оба дела наша группа раскрыла в короткие сроки, особенно второе в рекордно короткий срок! По нам Книга рекордов Гиннеса тоскует. Должен заметить, его считали простецким, затем бесперспективным. Всего за нами числится три успешных дела, за полтора-то года. Это рекорд.

— А ты хочешь, чтобы убивали каждый месяц и обязательно с выкрутасами? — обратился с вопросом к Жене Вениамин, как всегда, бесстрастно, хотя в самом вопросе заложен скепсис.

Сорин покосился на круглолицего парня, пышущего деревенским здоровьем, Веня очень серьезный, сдержанный и чересчур ответственный в свои-то двадцать шесть. Правда-матка — это Вениамин, а вот когда Сорин говорит ласкающей интонацией, далеко не всегда можно понять, верит ли он сам в то, что несет.

— Не надо понимать буквально мои слова, — сказал Женья, — а также превратно их истолковывать. Я мыслю образами, а не земными категориями. В данном случае дал понять, что основная наша работа рутинная.

— Феликс прав, ты зану...

— Интеллектуал, — нашел более подходящее для себя слово Сорин, подмигивая хохочущим женщинам.

— Главное, скромный, — констатировал Веня.

— Это не основное мое качество. — И тут нашелся Женья.

— Пора второй тост послушать, — предложил Феликс, наливая в рюмки. — Дамы, ваши бокальчики...

— А у нас налито, — сказала Тамара.

— Вот ты и говори, — дал ей слово хозяин дома.

Тамара не сопротивлялась, встала с места, но только собралась начать свою речь, раздался звонок. Павлу пришлось выйти из-за стола и подойти к сумке, которая висела в прихожей, оттуда он и стал вести диалог, а поскольку квартира Феликса и Насти небольшая, все хорошо слышали его:

— Да, Валерий Семенович...

— У, начальство, — понял Женя. — Не к добру, не к добру звонок.

— Поздравляю и я вас... — доносился голос Павла из прихожей. — Конечно, мы тоже празднуем... Да, все ребята здесь, мы у Феликса... Да? А что там?.. Ясно. И кроме нас, конечно, никого... Ладно, не буду... Нет, разумеется, нет, мы всегда готовы... Понял. Желая хорошо отпраздновать... Нам уже весело. Всего доброго.

Павел с мрачноватым лицом вошел в комнату, где нарядная елка затмила своим сверканием унылые лица за столом, так как все поняли, что праздник отменяется. Ну, а раз поняли, он развел руками, дескать, ничего не мог поделать. Феликс, сидевший подперев ладонью щеку, повернулся к Жене Сорину:

— Накаркал, Сорняк?

— Как что — так сразу косою? — индифферентно вымолвил Женя.

— Короче, ребята... — произнес Павел и сделал паузу, окидывая взглядом друзей за праздничным столом. — Нас ждут великие дела, поэтому дружно встали и также дружно вышли. Девочки, вы тут поболтайте без нас.

— Вы хотя бы поешьте, много времени это не займет, — озаботилась Тамара. — Тебе же не назначили точного времени? А пять минут ничего не решают.

— Отсюда недалеко... Ужинаем, но быстро, — согласился Павел.

Мужчины активно заработали вилками и ножами, Настя помогала мужу — подносила ему стакан с напитком, чтобы запил непережеванную еду. Ее примеру последовала Алина, эта миниатюрная и прехорошенькая девушка с характером дикой кошки старалась походить хоть в чем-то на рассудительную и практичную хозяйку. Красивая, умная Настя за свои двадцать три года много узнала о подлости и благородстве, полтора года назад Феликс спас ее в прямом смысле от похитителей. Выйдя за него замуж, она нашла себя в домашнем пространстве. Тамара самая старшая из них, тридцать три если не зрелость, то определенная мудрость уже достигнута (впрочем, это касается не всех женщин), тоже прошла свой нелегкий путь, с ребятами, как говорится, свела судьба. Утонченная, изящная, бывшая балерина, а ныне репетитор в театре оперы и балета, Тамара наблюдала за всеми с легкой улыбкой.

— Ребята, вперед, — скомандовал Павел, поднимаясь с места, заодно вытирая салфеткой губы. Дойдя до выхода, вдруг обернулся. — Хотел сказать во время следующего тоста, но не случилось. Алинка, в понедельник иди к Левченко, он берет тебя в свою группу, ему нужен толковый программист.

— Но я же не получила диплома, — вытаращила Алина и без того большущие голубые глазищи, в которых засверкали восторженные искры.

— Он в курсе, — улыбнулся Терехов. — Насколько я тебя узнал, ты спокойно совместишь диплом с работой, тем более это практика. Не подведи, ладно?

— И-и-и... — от радости запищала она, хлопая в ладоши.

Проводив мужчин, Настя вернулась из прихожей, усевшись за стол, предложила:

— Давайте теперь и мы поедем?

— Ужасно хочу есть, — призналась Алина, накладывая в тарелку всего по чуть-чуть. — Настя, ты уже знаешь, кто у тебя будет?

— Не-а, — ответила та. — Я просила не говорить.

— Я бы не выдержала... А Феликс кого хочет?

— Как можно кого-то хотеть или не хотеть? — пожалала плечами Настя. — Кто получился, того и ждем. Ой, а кто шампанское откроет? Я совсем выпустила из виду, что вам захочется выпить... Соседей попросить?

— Не надо, я попробую, не думаю, что это сложно, — вызвалась Тамара, беря бутылку шампанского. — Сто раз видела, как это делают. Дай мне полотенце, Настенька... Нет, пожалуй, выйду на балкон, боюсь, половина вылетит из бутылки вам на головы.

У одного из подъездов стояла скорая.

— Стало быть, нам вон туда, — бросил Феликсу Павел.

Он вел машину на пониженной скорости, ведь это жилой район, высотки построены довольно близко друг к другу, тут из темноты может вынырнуть человек под градусом и попасть под колеса — доказывай потом, что ты чист, как снег на крыше. Вениамин, полулежа на заднем сиденье, разглядывая окна, выпятил губу:

— Почти все окна горят, народ празднует, но даю гарантию, никто ничего не видел и не слышал. Даже если видел и слышал.

— А что произошло? — лениво промямлил рядом Женя. — Мы пока ничего не знаем, кроме того, что едем на труп. Вон скорая стоит, может, труп вовсе не мертвый, а вполне себе живой.

Припарковавшись, все четверо вышли из машины, и Павел обратился к водителю скорой, который дремал за рулем:

- Извините, следователь Терехов. Какой этаж?
- Шестой... — вскинулся водитель, часто моргая.
- В квартире кто-нибудь есть?
- Доктор и медсестра, а кто еще... я не поднимался туда.

На этаже никого не было, однако все здесь гремело праздником — отовсюду доносились музыка и неразборчивый гомон, так что слова Вениамина в данном случае сомнений не вызывают: никто ничего не слышал, но, быть может, видел. Разобрались быстро, в какую квартиру следует войти — в ту, где приоткрыта дверь. В продолговатой прихожей горел свет, и невольно группа Терехова задержалась. Здесь явно была битва или нечто близкое к этому. Зеркало — вдребезги, причем оно было большим, судя по раме, в которой торчали осколки. Ими же был усыпан пол, кровь на стене — хорошее такое пятно, жирное, нечетко, но просматривался отпечаток ладони. Столик у гардеробной стойки вряд ли подлежит ремонту...

— Есть кто-нибудь? — крикнул Павел.

Из боковой двери выглянула женщина лет сорока в униформе.

— Простите, вы кто? — спросила женщина.

— Следователь Терехов, — представился он. — Что тут?

— Наконец-то, — сказала она. — Труп парня во второй комнате, его мать на кухне с доктором. Это она вызвала нас, думала, сын жив, но... А уже мы вас потревожили.

— Мать в каком состоянии? Допросить ее можно?

— Мы сделали ей укол... не знаю... не могу сказать, спросите у доктора. Представьте, приезжает к сыну проводить старый год, побыть с мальчиком, а он... сами увидите. Никому такого не пожелаю.

Павел обернулся к ребятам, бросив:

— Приступаем.